

В.Н. Ватыль

*д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы*

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЖ. РОЛЗА*

На основе структурно-функционального и дискурсивного подходов рассматриваются место и роль концепта «справедливость» в работе «Теория справедливости» крупнейшего западного политического философа Дж. Ролза. «Теория» Ролза являет кардинальное переосмысление классической теории общественного договора. Новая версия общественного договора представлена Ролзом как некоторая гипотетическая ситуация, в которую должны быть помещены люди, выбирающие принципы справедливого социального общества. К таковым принципам он относит идею исходной позиции, идею «покрова неведения», идею приоритетных благ. В статье дается системный дискурс-анализ этих идей.

В структуре идейно-символического пространства современного либерального политического дискурса определяющее место занимают представления о нормативных началах политического общежития. Одним из таковых является понятие справедливости. Цель статьи – характеристика понятия справедливости в работе патриарха западной политической философии – Джона Ролза «Теория справедливости» (1971).

Провозгласив справедливость «первой добродетелью общественных институтов», Ролз видит главную задачу политической философии в формулировке основных принципов либерального устройства общества. Поэтому свой вариант идейно-символического пространства либерализма он, с одной стороны, излагает как обоснование концепции справедливости как честности. С другой стороны, теория справедливости Ролза представляет собой современный вариант теории общественного договора. В отличие от классических вариантов этой теории Ролз значительно пересмотрел понятие общественного договора: для него это некоторая гипотетическая ситуация, в которую должны быть помещены люди, выбирающие принципы справедливого социального общества. Ключевыми для ролзовского понимания общественного договора являются три идеи: идея исходной позиции, идея «покрова неведения» и идея приоритетных благ.

Исходная позиция (ИП), по замыслу Ролза, моделирует ситуацию выбора, которая обеспечивает свободу и равенство каждого участника. Определяющая идея здесь сводится к тому, что принципы справедливости должны и могут быть определены только в условиях свободы и равенства. Суть исходной позиции сводится к состоянию, в котором находятся индивиды при определении содержания общественного договора. Исходная позиция не описание некоего природного состояния, это эвристический прием для выработки принципов процедурной справедливости [8, с. 113–120].

Одна из главных характеристик исходной позиции – «занавес неведения». Благодаря ему все участники договора изначально находятся в равном положении, т.е. не знают или игнорируют знания о том, какими ресурсами и возможностями они наделены в реальной жизни. Занавес неведения исключает информацию о принадлежности участников к социальному слою или классу, о занимаемой должности, профессии, о материальном достатке, таланте, уме, физической силе, природе существующего общества. Этим приемом Ролз пытается смягчить негативное условие тех обстоятельств, которые толкают людей использовать природные блага и социальные условия

* Статья подготовлена в рамках темы ГПНИ «Идейно-символическое пространство политики в системе евразийской интеграции: общее и особенное» (А34-14).

в собственных интересах. «...Кажется разумным и приемлемым, что никто не должен получать преимущества или испытывать тяготы за счет естественных случайностей или социальных обстоятельств» [8, с. 129]. Такое неведение обеспечивает беспристрастность и дает возможность принять решение, исходя не из эгоистических, а из общих интересов. Эта ситуация также исключает возможность образования каких-либо коалиций, направленных против меньшинства. В таких условиях каждый человек будет стремиться защищать положение потенциально наиболее бедных и обделенных, поскольку нельзя быть уверенным, что не попадешь в дискриминируемую группу. Таким образом, считает Ролз, общество избавится от национальной, религиозной и других видов дискриминации.

Предмет договора составляют два моральных принципа справедливости. Первый обосновывает политические свободы и требует равенства в распределении основных прав и обязанностей: каждый имеет право на свободу, совместимую со свободой других. Второй принцип ориентирует на наибольшее благо для большинства: экономическое и социальное неравенство справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенным членам общества. Этот принцип, согласно которому допустимо не любое неравенство, а только такое, которое максимизирует минимум. Следовательно, критерием максимизации становятся позиции наиболее слабых [8, с. 137].

Ролз настаивает на том, что «свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства» примут именно эти принципы «в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения» [8, с. 138]. Цель концепции ИП – в конструировании рациональных условий, однозначно определяющих выбор данных принципов. Вместе с тем Ролз акцентирует внимание на ряде необходимых предусловий ИП, которые гарантируют выбор двух указанных принципов. Эти условия предполагают существование достаточно широкого спектра требований, предшествующих ИП. Прежде всего они касаются характеристики автономных рациональных участников договора и, как ни странно, социальных обстоятельств.

Каковы же эти индивиды, совершающие в ИП единственно возможный выбор? Самое главное условие, которое Ролз оговаривает, – все участники, находящиеся в ИП, «должны быть моральными личностями, созданиями, которые имеют свою концепцию блага и способны к чувству справедливости» [8, с. 144]. Один из первых российских исследователей творчества Ролза – Т. Алексеева – дала собирательный портрет участников ролзовского договора. Они «почитают себя свободными и равными личностями. Они моральны в том смысле, что по достижении разумного возраста приобретают чувство справедливости и признают это за другими. Они равны, так как считают друг друга способными иметь право определить принципы справедливости. Они свободны, так как полагают, что, во-первых, на них возложена задача разработать общие институты во имя фундаментальных целей и интересов, и, во-вторых, они не считают себя неразрывно связанными с определенными высшими целями в любое данное время, а способны пересматривать и изменять эти цели по разумным и рациональным причинам. ...Участники признают необходимость и возможность сотрудничества, предпочитая компромисс насилию» [9, с. 155; 10, с. 364].

Подобная концепция индивида, на наш взгляд, упирается в существенную проблему: откуда появляется такой индивид и как заставить работать эту инструментальную рациональность в стерильных условиях отсутствия каких-либо личных предпочтений у автономных и безразличных друг другу индивидов? Ответ на этот вопрос требует рассмотрения одного из самых интересных феноменов теории справедливости Ролза – цели. На них, к сожалению, не обратили должного внимания многие критики Ролза

(например, Сандел, Тейлор, Кроули), которые прежде всего сконцентрировались на бестелесном и внекультурном характере рационального «Я» участников ролзовского консенсуса.

Для того чтобы заставить «работать» эту инструментальную рациональность, Ролз вводит в ИП цели, т.е. предпочтения, которые бы задали первичную мотивацию выбора. Эти предпочтения детерминируются моральной способностью индивидов как рациональных существ к определенному чувству справедливости и сводятся Ролзом к предпочтению на основе моральных интуиций первичных социальных благ, основных свобод, доходов и уровня благосостояния. Но для рациональных существ, обладающих рациональностью в узком телеологическом смысле, любые нормативные идеи могут представляться лишь в понятиях интересов и благ. Поэтому люди в ИП могут воспринимать права (право печати, слова, совести и т.д.) как категорию благ среди прочих благ, и для них вопрос о чувстве справедливости может стоять лишь в контексте чувства справедливого распределения основных благ [8, с. 156–163].

Таким образом, хотя участники ничего не знают о своих конкретных целях, предполагается, что все они в процессе заключения договора движимы стремлением к определенным приоритетным благам. Это «первичные социальные блага, <которые> включают права и свободы, возможности, доходы и богатства. (Очень важное первичное благо представлено чувством собственного достоинства)» [8, с. 352]. Более конкретно, это политические свободы, свобода слова, печати, ассоциаций, совести, свобода передвижений и выбора профессии, а также социальных ролей на фоне разнообразия возможностей.

Но почему рациональные личности предпочитают именно эти блага? Что детерминирует эти блага? Здесь возможны два ответа: во-первых, то, что считается первичным благом, зависит только от естественных факторов человеческой психологии; во-вторых, понятие приоритетных благ определяется моральной концепцией личности, воплощающей некий идеал. Ролз делает выбор в пользу последней альтернативы. «Первичные блага характеризуются тогда как то, чего хотят люди, будучи свободными и равными гражданами, а также нормальными членами общества, сотрудничающими всю свою жизнь» [8, с. 363].

Здесь возникает некоторая неясность. «Чувство справедливости, детерминирующее предпочтение определенного набора благ, не является естественным фактором, оно характеризует людей, уже живущих в обществе. Для того чтобы воспитать конкретное «чувство справедливости», требуется конкретное «вполне упорядоченное общество». «Предикаты, используемые в формулировке принципов <справедливости>, должны выражать общие свойства и отношения ...и выступать в качестве публичной хартии вполне упорядоченного общества» [8, с. 379]. И Ролз определяет набор необходимых условий, которые гарантируют данный вектор предпочтений: это свободный рынок, частная собственность на средства производства, моногамия семьи, защита законом свободы мысли и совести. Это именно те социальные институты, которые должны воплощать в жизнь и развивать два принципа справедливости и принятие которых является целью первоначального договора.

Представляется, что положение о заранее заданном предпочтении определенного набора первичных социальных благ в ИП существенно ослабляет универсальный характер конструкции Ролза. По замыслу автора, позиция субъектов в ИП должна формировать идеальные условия для беспристрастности рационального выбора. Но разум в ИП Ролза не сводится к чистой рациональности (несмотря на интенции автора) – он опирается прежде всего на аксиоматическое утверждение существования общих моральных интуиций: «идея некоторого соглашения может преуспеть только если ее условия фактически широко признаны» [8, с. 384]. «Есть такие вопросы, на которые дол-

жен иметься определенный ответ. Например, мы уверены в том, что религиозная нетерпимость и расовая дискриминация несправедливы... То, во что мы верим, – беспристрастное суждение. Эти убеждения – наши временные опорные точки, с которыми должны сопоставляться любые концепции справедливости» [8, с. 389].

Введением в качестве базовой компоненты ИП чувства справедливости и списка приоритетных благ Ролз, по сути, устраняет декларируемый им ценностно-нейтральный характер ИП. В контексте данного рассмотрения следует отметить, что, являясь основой морального консенсуса, чувство справедливости и его сущностное наполнение (набор приоритетных благ) выполняют скорее функции фонового понимания, а не независимых составляющих универсальной процедуры договора [8, с. 397]. Описание взаимоотношений индивидов в ИП разворачивается на фоне существования в их сознании представлений «о должном», отсылающих к реальному ценностному консенсусу граждан либерально-демократических государств. Построение Ролза опирается на приоритет именно либеральных ценностей, имплицитно присутствующих в культуре демократических обществ: ценностей индивидуального человеческого существования, ценностей реализации целей человека и приверженности определенному типу рациональности. ИП Ролза соотносится (и достаточно жестко) с политической доктриной развитой демократии: оно имеет конкретное историческое содержание с вполне определенными действующими лицами. «Потребовался длительный период развития определенных институтов и практик, правления закона, правил уважения равенства, обычаев совместных обсуждений, индивида» [8, с. 399].

Таким образом, мы приходим к фундаментальному противоречию: с одной стороны, существование ИП предполагает некое предзаданное значение моральных ценностей: «люди должны решить заранее, как они будут регулировать свои претензии друг к другу и какова должна быть основная хартия их общества» [8, с. 292]; с другой стороны, сама суть теории справедливости, которую Ролз определяет как чисто процедурную справедливость, исключает любую предзаданность [8, с. 395].

Это теоретическое противоречие приводит к возможности достаточно неприятных практических последствий в случае реализации ролзовской концепции. Похоже, схема процедурной справедливости, очерченная Ролзом, не учитывает существования других представлений о справедливости в иных культурных контекстах, с совершенно иным списком приоритетных благ. Так, в брахманизме идея справедливости (в отличие от западного ее понимания) не сводится к равенству или принципу равного гражданства. Неравенство данных людям от природы способностей в сочетании с неравенством их социального и культурного статусов, закрепленных в кастовой системе, считаются столь необходимыми, что без этого общественные отношения перестают быть справедливыми. Индийская традиция требует не только сохранения различий, но и признания их ценности: равенство не достигается сведением к минимуму неравенства людей. Многообразие является самой природой реальности, и попытка избежать неравенства сопряжена с насильственным уравниванием неравных, а это влечет за собой неравенство между теми, кто принуждает, и теми, кого принуждают [10, с. 199; 11, с. 119–134]. Подчеркнем, что в некоторых культурах мораль глубоко контекстуальна, она вообще не придерживается никаких абстрактных принципов: правила меняются с ситуацией. Так, в контексте культуры Хабаро обмануть иностранца при торговле считается морально принятой практикой, в то время как обман соплеменников наказуем. Действия сами по себе не являются плохими или хорошими, их оценка ситуативна. Такие примеры можно приводить бесконечно, но, пожалуй, все они будут примерами, описывающими моральные установки традиционных холистских обществ, где идеал справедливости соотнесен с коллективом, а не с автономным индивидом, как у Ролза (да и вообще во всей традиции либерального права).

Впрочем, даже внутри обществ с развитыми либерально-демократическими традициями можно найти сторонников иных, чем предлагает Ролз, понятий справедливости. Например, утилитаристы, утверждающие, что в основе нравственности должно лежать стремление к наибольшему счастью наибольшего числа людей и цель развития человечества состоит в максимизации всеобщей пользы. Судя по тому, что Ролз называл утилитаризм «доминирующей систематической традицией в современной моральной философии» [8, с. 43], сторонников приоритета блага над правом было (во всяком случае, к 1971 г.) не так уж и мало.

Каким же образом в условиях множественности представлений о справедливости может быть достигнут консенсус участников договора в рамках предложенной Ролзом универсальной схемы? Возможны несколько сценариев, и ни один из них не будет благоприятным. Если признать наличие плюрализма во взглядах на справедливость, то тогда существенно должен измениться список предложенных Ролзом приоритетных благ, необходимых для того, чтобы люди, находясь за «занавесом неведения», приняли бы два принципа справедливости. Предусловия «рефлексивного равновесия» будут изменены, цепочка разорвана, процедура нарушена и справедливое решение не будет достигнуто. Но все же в этих условиях сохраняется хотя бы первый принцип (имеющий приоритет над вторым) – свободы мысли и совести, слова и собраний, политических свобод при абсолютной неотчуждаемости свободы мысли и совести.

Но возможен и другой вариант. Общественное согласие по определенной концепции благ, выдвигаемое в качестве предусловия в ИП, вероятно, достижимо и в условиях множественности концепций блага. Но при наличии различий приоритетов оно будет достигнуто только благодаря давлению государственной власти. Следовательно, нарушается первый принцип – принцип индивидуальных свобод участников договора.

Нельзя не отметить, что в более поздних работах Ролз все-таки признал присутствие тени вполне определенного общества в своей чисто процедурной теории справедливости. Политическая доктрина демократического общества может с уверенностью предположить, таким образом, что все участники политической дискуссии о правах и справедливости признают эти ценности (приоритетные блага), понимаемые в достаточно общем виде. Если члены общества этого не делают, то проблемы политической справедливости в той форме, в какой они нам знакомы, может не возникнуть» [13, с. 78].

Таким образом, Ролз скорее дал не процедурное объяснение выработки беспристрастного суждения о морально-политических вопросах, а нормативное историко-политологическое описание справедливости, имеющее место у граждан развитых демократических государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малинова, О. Ю. Символическая политика / О. Ю. Малинова // Конструирование представлений о прошлом как властный : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН РАН, 2013. – Вып. 1. – С. 15–17.
2. Малинова, О. Ю. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / О. Ю. Малинова. – М. : РОССПЭН, 2013. – С. 5–21.
3. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М. : Вече, 1999. – С. 699.
4. Политическая наука в Западной Европе / под ред. Х.-Д. Клингемана. – М. : Аспект-Пресс, 2009. – С. 12.
5. 22 идеи о том, как устроить мир. Беседы с выдающимися учеными / под. ред. П. Дуткевича и Р. Саквы. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 30–61.

6. Красин, Ю. А. Идеология в трансформирующемся мире: штрихи к новому видению / Ю. А. Красин // Полис. – 2014. – № 6. – С. 149.
7. Макеева, Л. Б. Предисловие / Л. Б. Макеева // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэнди, Тейлор, Уолдрон. – М. : Дом интеллект. книги, Прогресс-Традиция, 1998 – С. 9–10.
8. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. – С. 536.
9. Алексеева, Т. А. Современные политические теории / Т. А. Алексеева. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 155.
10. Алексеева, Т. А. Политическая философия: от концепций к теориям / Т. А. Алексеева. – М. : МГИМО ; РОССПЭН, 2007. – С. 364.
11. Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация / Г. М. Бонгард-Левин. – Изд. 2-е. – М. : Наука ; Восточная литература, 1993. – С. 199.
12. Буддийский взгляд на мир. – СПб. : Андреев и сыновья, 1994. – С. 119–134.
13. Ролз, Дж. Идея блага и приоритет права / Дж. Ролз // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэнди, Тейлор, Уолдорн. – М. : Дом интеллект. книги, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 78.
14. Кукатас, Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы / Ч. Кукатас. – М. : Мысль, 2011. – С. 482.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.09.2015

Vatyl V.N. The Concept of Justice in Political Theory by John Rawls

The article considers the role and place of the concept of «justice» in the «Theory of Justice» by the major Western political philosopher John Rawls on the basis of structural-functional and discursive approach. In fact, «Theory» by Rawls is a cardinal rethinking of the classical theory of the social contract. The new version of the social contract, represented by Rawls as some hypothetical situation, which should be placed people who choose principles of a fair social society. The author refers the idea of the original position, the idea of «veil of ignorance», and the idea of priority goods to those principles. The article presents a systematic analysis of the discourse of these ideas.